

ную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции»<sup>1</sup>. Изучение древневосточных языков позволяет проследить этот факт на протяжении тысячелетий. Египет был в течение почти свыше ста лет под властью иноземного племени гиксосов, однако египтяне сохранили свой язык. Будучи впоследствии покорены сперва персами, затем македонянами и греками, наконец, римлянами, египтяне все же в течение ряда столетий сохраняли свой собственный язык. Скрещивание египетского языка с семитскими языками народов Передней Азии происходило в течение многих веков. В течение нескольких столетий древнеегипетский язык скрещивался с языком древних греков. В течение всего этого длительного периода древнеегипетский язык, упорно сопротивляясь иноземной ассимиляции, выходил победителем из этих различных скрещений. И только в период средневековья язык древних египтян начал постепенно уступать свое место арабскому языку, что объясняется рядом исторических причин. Таким образом, язык и закономерность его исторического существования можно понять лишь благодаря изучению той теснейшей связи, которая соединяет язык с историей того народа, который его создал и который им пользуется.

*В. И. Авдиев*

## ЗАБАСТОВКА РЕМЕСЛЕННИКОВ ФИВАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ ВО ВРЕМЯ РАМСЕСА III<sup>2</sup>

Напротив Фив, на западном берегу Нила, примерно в 20 минутах ходьбы от известной «Долины царей», имеется небольшая долина, которая носит теперь название Дейр эль-Мединэ. Эта долина хорошо укрыта окружающими ее скалами, вследствие чего с противоположного берега Нила она не видна. Те же скалы одновременно делают очень затруднительным доступ в нее: она сообщается с окружающей местностью только через три узкие ложины. Укрытость этой долины, ее близость к «Долине царей» и «Долине царяц», т. е. к тем местам, где сооружались усыпальницы царей и царяц, равно как удобства ее охраны (судя по многим данным, у входов в ложину находились полицейские посты) привели к тому, что именно здесь в начале XVIII династии и было создано поселение для тех ремесленников, которые должны были изготовлять царские гробницы. Это поселение было создано при Тутмесе I и состояло первоначально из 40 жилищ, разделенных улицей на два порядка; поселок был обнесен высокой (от 6 до 7 м) и толстой выбеленной стеной, сложенной из крупных сырцовых кирпичей, в которой имелись, повидимому, ворота только с северной стороны<sup>3</sup>. В последующие времена поселок не раз перестраивался и расширялся. При Тутмесе III число жилищ возросло до 52<sup>4</sup>, в связи с чем стены поселения были частично передвинуты. Тогда же здесь был выстроен храм в честь этого фараона. Во времена Эхнатона, когда столица Египта была перенесена в Амарну, жители поселка (полностью или частично) были переведены в новую столицу, где для них в стороне от города был сооружен особый поселок, также

<sup>1</sup> И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1950, стр. 26.

<sup>2</sup> См. перевод «Дневника» фиванского некрополя в ВДИ, 1950, № 4, стр. 81 сл.

<sup>3</sup> Возможно, что ворота имелись и в южной стене поселения (такое предположение подсказывает направление главной уличной магистрали), но стена здесь настолько разрушена, что ничего определенного в итоге раскопок сказать об этом нельзя. Не ясно и происхождение проемов, заложенных в западной стене поселка («Fouilles de l'Inst. Franç. d'arch. Orient. au Caire, Deir el Medineh», XVI).

<sup>4</sup> С домами, которые находились вне стен поселка, число жилищ доходило до 60.

обнесенный стеной и так же, как в Фивах, расположенный вблизи некрополя<sup>1</sup>. После возвращения преемников Эхнатона в Фивы поселок возрос и при Сети I насчитывал уже около 120 жилищ, из которых только 66 находились внутри стены, тогда как остальные были выстроены за ее пределами. Некоторые перестройки были осуществлены также при Рамсесе II, когда площадь, занятая поселком, составляла 131,6 × 50 м. При XX династии наступает упадок поселка, а в начале XXI династии он был полностью покинут, причем это, видимо, произошло внезапно, и этим объясняется то, что во время раскопок в домах была обнаружена мебель, различная утварь и инструменты. Высказывалось предположение, что причиной экстренного оставления поселка его жителями было вторжение ливийцев, однако, почему при XXI и последующих династиях жизнь поселка не возобновилась, остается неясным. В качестве гипотезы могу лишь высказать предположение, что это было связано, с переносом столицы в Танис, где в 1939 г. были найдены погребения царей XXI династии; вполне вероятно, что цари этого периода, пожелав воздвигнуть свои усыпальницы в новой столице, перевезли сюда и необходимых мастеров.

Дома в поселке выстроены вплотную друг к другу и весьма схожи по своей планировке. Первоначально каждый из них занимал примерно одинаковую площадь (150—180 м<sup>2</sup>). Позднее появляются дома меньшего размера (60—80 м<sup>2</sup>), но в этих случаях почти всегда можно с уверенностью сказать, что они возникли в результате раздела семьи и перестройки дома на два самостоятельных. Обычно дома состоят из четырех помещений. В первое из них попадали через односторончатую дверь, прямо с улицы, спустившись на две-три ступеньки, ибо уровень улицы был выше пола этой комнаты на 40—50 см. У одной из стен этого помещения имелось возвышение, на которое вели ступеньки. Это возвышение имеет в высоту около 75 см, в длину 175 см и в ширину 80 см; иногда его обносили низенькой стенкой, а изредка над ним сооружали карниз. В домах, выстроенных в первой половине XVIII династии, эти возвышения имеют все признаки, показывающие, что они являются позднейшей пристройкой, тогда как в жилищах, созданных позднее царствования Эхнатона, они сооружались одновременно со стеной. Назначение возвышений твердо не установлено. Руководитель раскопок, производившихся в поселении, Б. Бриер высказывает достаточно убедительные соображения в пользу того, чтобы считать эти возвышения местом для ложа, которое вместе с тем имело культовое назначение.

Следующее помещение — это самая большая и парадная комната дома. Она выше всех остальных, а пол в ней обычно сантиметров на 25 выше уровня пола первой комнаты. В центре этого помещения высились 1—2 колонны, поддерживавшие потолок, а у одной из стен имелось небольшое возвышение (до 20 см), на котором стояло ложе хозяина дома. Стены комнаты, равно как и первой, всегда штукатурились и до высоты в 90—130 см окрашивались в белый цвет; выше они оставались серыми<sup>2</sup>. В стенах этой комнаты имелись ниши, предназначавшиеся для бюста предка, всегда лишенного какого-либо портретного сходства: это было лишь абстрактное изображение. Пол и в этой комнате, как и во всех остальных помещениях, был глинобитный и только в нескольких домах, вероятно, более богатых, был покрашен в белый и розовый цвет. В отличие от прочих помещений, освещавшихся через световые люки, устроенные в потолках, эта большая комната имела окна, выходившие непосредственно на плоскую кровлю дома. Довольно часто за возвышением для ложа хозяина или около него устраивался спуск в погреб, в который вела лестница. Этот погреб имел обычно глубину в 3—4 м и представлял иногда достаточно обширное помещение, состоявшее из 1—2 комнат. Впрочем, чаще такие погреба устраивались под последним помещением дома, и только в нескольких домах было обнаружено по два погреба.

<sup>1</sup> Этот поселок по своему облику очень напоминает Дейр эль-Медина. Его план и краткое описание см. И. Л у р ь е, Город Тель эль-Амарна, СА, II, стр. 175, рис. 14. Заслуживает внимания тот факт, что число жилищ, имевшихся в этом поселке, примерно равно тому, которое насчитывал в те времена и поселок в Дейр эль-Медина.

<sup>2</sup> Остатки росписи, от которой сохранились незначительные следы, встречаются только в нескольких домах.

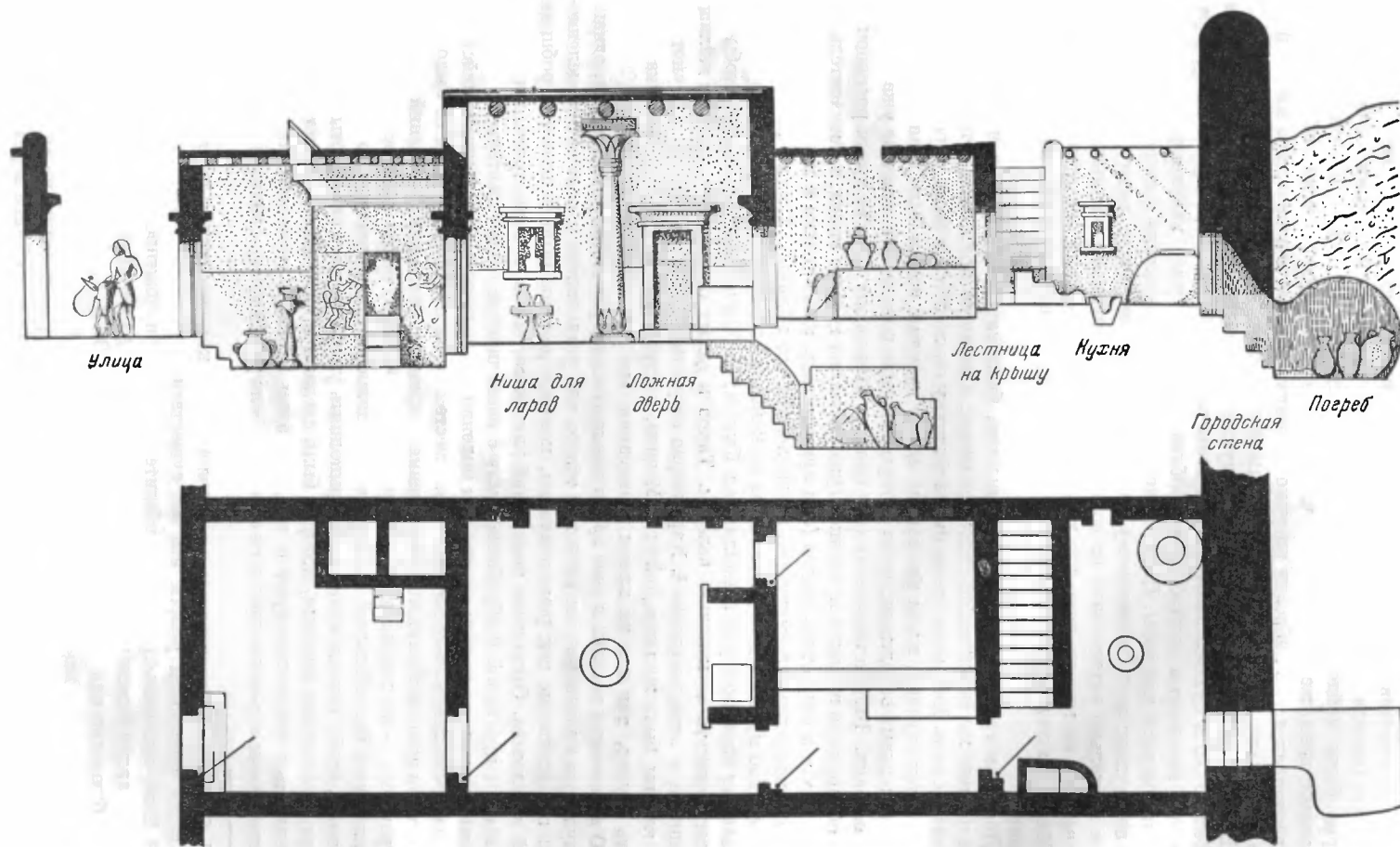


Рис. 2. План и реконструкция типичного жилища в поселке Дейр аль-Медина

Дверь, находившаяся обычно в углу, вела из центральной комнаты в следующее помещение (иногда разделенное на две комнаты) с хуже отделанными стенами. Вещи, которые были найдены в подобных помещениях, говорят о том, что они служили спальнями; здесь же, повидимому, члены семьи и работали, так как обнаруженные при раскопках домов наброски рисунков, инструменты скульпторов, краски, ткацкие принадлежности и т. п. были найдены именно в таких частях дома.

В самой глубине дома находилась кухня, всегда имевшая хлебную печь. Почти во всех домах и кухнях были расположены также небольшие квадратные зернохранилища с каменными ступками для дробления зерна и реже каменные зернотерки и каменные корыта для воды. Плоская кровля дома не покрывала помещения, отведенного под кухню: здесь, повидимому, устраивался только легкий навес, пропускавший дым и несколько укрывавший от солнца. Здесь же начиналась лестница, по которой поднимались на кровлю дома, где в жаркое время года спали обитатели этих домов.

Нигде в поселке не было найдено колодез, и, очевидно, вода сюда доставлялась издалека.

Дома, выстроенные при XVIII династии, были сложены из сырцового кирпича, более поздние же выложены из обломков камня, а кирпичи применялись только в верхних частях стен. Каменные стены имели толщину около 50 см и были скреплены илом, причем в тех случаях, когда расстояние между кусками камня было велико, щели заполняли мелкими осколками, среди которых нередко попадаются ставшие уже не нужными остраки. Высота наружных стен вряд ли превышала 5 м: во время раскопок не было обнаружено никаких признаков существования второго этажа, а незначительная толщина стен и отсутствие сводов (они применялись здесь только в лестничных перекрытиях) исключают возможность предположить его наличие. Потолок, являвшийся одновременно кровлей дома, состоял из нескольких слоев положенных накрест веток, обмазанных илом, которые покоились на балках; он был достаточно прочен, чтобы выдержать тяжесть нескольких человек. Таков в самых общих чертах облик жилищ, имевшихся в этом поселении<sup>1</sup>. Характерно отсутствие в них помещений для скота. О том, каковы были жилища Дейр эль-Мединэ, построенные вне ограды поселка, пока судить трудно, так как их планы и описания еще не опубликованы.

О назначении поселка в свое время высказывались разнообразные догадки, однако в результате произведенных раскопок теперь оно установлено с полной определенностью: это поселение тех ремесленников, которые должны были создавать гробницы царей и вельмож. Отсутствие помещений для скота, больших зернохранилищ и отдаленность от пригодной к обработке земли с очевидностью свидетельствуют о том, что жители поселка, во всяком случае как правило, не занимались сельским хозяйством; это были ремесленники-профессионалы. Вместе с тем в пределах поселка не было найдено здания административного управления некрополя, равно как помещений для балъзамирования — все это было где-то в другом месте<sup>2</sup>. Точно также мастерские, где изготовлялся весь погребальный инвентарь, находились вне поселения<sup>3</sup>, ибо трудно предположить, чтобы ремесленники могли выполнять у себя на дому все работы этого рода. Те археологические находки, которые были сделаны в жилищах (хотя они со всей несомненностью свидетельствуют о том, что здесь обитали ремесленники, безусловно изготовлявшие кое-какие предметы своего ремесла у себя дома), слишком ничтожны для

<sup>1</sup> Я ничего не говорю здесь о тех святилищах, которые имелись в поселке, так как для целей настоящей работы это не существенно.

<sup>2</sup> Если согласиться с весьма убедительным предположением акад. В. В. Струве о том, что архив фиванского некрополя хранился в Мединет-Абуском храме (В. С т р у в е, Наблюдения над большим папирусом Харрис, ЗКВ, I, стр. 453), то можно предположить, что там же находилось и управление некрополя.

<sup>3</sup> Повидимому, мастерские находились неподалеку от поселка, но вне его ограды. На это указывает, как мне кажется, тот факт, что печи для обжига керамики, относящиеся, повидимому, к первой половине XVIII дин., при росте поселка были затем застроены и оказались в фундаменте домов («Fouilles...», XVI, стр. 263).

того, чтобы предположить, что это и были те большие мастерские, изображения которых мы нередко видим в гробничных росписях. Достаточно сказать, что только в одном доме была найдена печь для плавки металла (или, может быть, стеклянной поливы), хотя очевидно, что где-то вблизи от мастерских по обработке камня должны были находиться и подсобные мастерские, изготовлявшие пужный для работы инструмент.

Кое-где сохранившиеся надписи с именами владельцев жилищ и единичные граффити на стенах и дошедшие до нас разнообразные документы показывают, что население поселка, хотя все оно работало в некрополе и жило в почти одинаковых домах, было по своему составу неоднородно: обитателями поселка были начальники отрядов ремесленников, писцы некрополя, архитекторы, художники, скульпторы, разного рода ремесленники, т. е. люди различного социального положения.

Вся совокупность лиц, работавших в фиванском некрополе, называлась  $gm\dot{t} \dot{i}s \cdot t$  и  $p\dot{3} \dot{h}r$  или же просто  $gm\dot{t} \dot{i}s \cdot t$ , что словарь египетского языка соответственно переводит «работники (или рабочие) некрополя» и «работники, рабочие». Происхождение такого наименования работников некрополя неясно. Обычно его сопоставляют с корабельной терминологией, ибо корабельный экипаж также называется  $\dot{i}s \cdot t$ . Сторонники этой точки зрения видят подкрепление своей этимологии этого слова в том, что персонал некрополя делился на два отряда, называвшихся «отряд правой стороны» и «отряд левой стороны», что напоминает членение экипажа корабля на гребцов правой и левой стороны<sup>1</sup>. Мне же представляется более вероятным возводить эту терминологию к понятию  $\dot{i}s$  — «могила», встречающемуся еще в «Текстах Пирамид», с которым безусловно нужно связать термин  $\dot{i}s$  и  $p\dot{3} \cdot t$  — «мастерская», — засвидетельствованный в надписях XVIII династии. Поэтому, может быть, правильное всего понимать наименование некропольского персонала как «люди мастерских некрополя» и отсюда мой перевод «ремесленники некрополя».

Каждый из двух отрядов, на которые делился персонал некрополя, имел своих должностных лиц. Так, мы знаем об одновременном существовании двух начальников отрядов ремесленников, двух писцов, двух заместителей начальников отрядов ремесленников, двух квартальных и др. Вполне вероятно, что первоначальная планировка поселка ремесленников, по которой все дома были разбиты на два порядка, связана с тем, что члены каждого отряда жили в разных половинах поселка, и что отсюда возникли их названия отрядов «правой» и «левой» сторон<sup>2</sup>.

В среде ремесленников некрополя царили установившиеся традиции и преемственность. Можно проследить, как занимаемые должности на протяжении многих поколений передаются от отца к сыну. Так, по крайней мере в течение восьми поколений передавалась должность писца<sup>3</sup>, в течение ряда поколений передавались должности начальников отрядов ремесленников, художников и др. Ремесленники рассматривали должности своих родителей как свое законное наследие, на которое имел право старший из сыновей. Об этом прямо говорится в одной жалобе, где указывается, что за взятку неправильно был назначен один из младших сыновей в обход прав старшего<sup>4</sup>. В тех случаях, когда источники позволяют проследить биографию начальника отряда ремесленников, всегда можно установить, что при жизни своего отца сын, позднее ставший начальником отряда, был простым ремесленником, ремесленниками же остаются и его братья. К этому следует еще добавить, что многие семьи ремесленников были связаны между собой узами родства. Неудивительно поэтому, что ремесленники в тех случаях, когда речь шла об их общих интересах, — а именно такие они отстаивали, требуя выдачи задержанного довольствия, — легко сплачивались и выступали, несмотря на различие в своем положении, как одно целое.

<sup>1</sup> J. Černý, «Revue de l'Égypte Ancienne», II, стр. 208.

<sup>2</sup> Не связано ли деление ремесленников царского некрополя на два отряда с традиционным членением всего административного аппарата Египта на принадлежащий Верхнему и Нижнему Египту?

<sup>3</sup> J. Černý, ChE, № 11 (1936), стр. 247 сл.

<sup>4</sup> Пап. Сальт 124 rt., I, 2—4.

Работники некрополя составляли нечто вроде религиозного братства и в этом своем качестве одинаково именовались  $\dot{s}dm \text{ } \dot{s}m \text{ } \dot{s} \cdot t \text{ } m^{\dot{c}} \cdot t$  — «служитель (или «послушатель-зова») Места Истины». В качестве членов религиозного братства по крайней мере некоторые из них выполняли жреческие функции при отправлении культов местных божеств и носили соответственные звания. Нередко некоторые из жителей поселка были одновременно жрецом-уабом и кузнецом (ПБрМ 10053 rt. 3, 19, и ПБрМ 10086 vs. 3, 29); жрецом-уабом и главой стражников (ПБрМ 10086 vs. 8, 10) или жрецом-уабом и трубачом (ПБрМ 10053 rt. 7, 6) и т. д. Свое звание седжем-аш (а его носят иногда и фараон и представители знати<sup>1</sup>) эти ремесленники рассматривали как более почетное и поэтому в письмах обращаются друг к другу именно так, опуская вовсе свое гражданское звание. Опускаят они его и в надписях своих гробниц. Жены этих ремесленников, занимавшие, вероятно, в соответствии с положением мужа различное общественное положение, именуется нередко титулом «Певица Амона», т. е. тем же титулом, который носили жены и дочери виднейших сановников того времени.

Все это, разумеется, затемняет подлинный социальный облик обитателей поселения в Дейр эль-Мединэ, тем более, что памятники, происходящие из этого поселения, крайне разбросаны и в очень малой степени изучены. Было бы поэтому преждевременно делать какие-либо законченные выводы о положении отдельных групп жителей этого поселения, тем более, что в разные исторические периоды существования Дейр эль-Мединэ оно было, повидимому, неодинаково; однако решить коренной вопрос о том, что представляли собой в классовом отношении ремесленники фиванского некрополя, мне представляется все же возможным.

Некоторые факты свидетельствуют, казалось бы, о том, что основное ядро этого поселения составляли ремесленники, являвшиеся рабами. В самом деле, и в Дейр эль-Мединэ и в Амарне ремесленники жили в домах, чей одинаковый вид говорит о том, что они были построены не индивидуальным владельцем, а по единому замыслу; одновременный переезд ремесленников в Амарну, обратное возвращение в Дейр эль-Мединэ, а позднее оставление поселка одновременно всеми его жителями говорят о том, что все это совершалось не по собственному желанию ремесленников, а независимо от них. Далее, как показывают многочисленные документы, ремесленники получали довольствие, своего рода месячину, а также одежды. Наконец, им выдавались для работы инструменты. Так, один из остраконов, относящихся ко времени Сети II, содержит, между прочим, следующую запись:  $\overset{1}{|}$ ...«четвертый месяц рг·t, день 21. День [выдачи] инструментов  $\overset{2}{h}z$  ремесленникам. Инструментов  $\overset{3}{h}z$  68, в частности  $\overset{3}{|}$ : 34 правому отряду, 34 левому отряду.  $\overset{20}{|}$  Итого 68»<sup>4</sup>. Понять эту запись, мне кажется, можно только так, как я ее перевожу, хотя глагол, определяющий, что сделано с инструментами, находится на поврежденном месте остракона.

Однако, несмотря на то, что перечисленные моменты говорят, на первый взгляд, в пользу того, что ремесленники были рабами, очень много данных и против такого вывода. Начнем с вопроса о том, имели ли ремесленники собственные орудия труда, что является весьма существенным, ибо, «при рабовладельческом строе,— говорит И. В. Сталин,— основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»<sup>5</sup>. Факты показывают, что ремесленники фиванского некрополя располагали собственными орудиями и средствами труда. Так, тот же инструмент  $\overset{2}{h}z$ , который, как мы только что видели, выдавался

<sup>1</sup> См., например, ЖЕА, VIII (1932), стр. 113 сл.

<sup>2</sup> Детерминатив показывает, что речь идет о металлическом инструменте. Вероятнее всего, это род кайла или лома.

<sup>3</sup> Буквально: «их раздел» — специальный термин, которым начинают перечисленные выданных (или полученных) вещей, чей общий итог уже указан.

<sup>4</sup> ОКМ, 25509 rt., I, 15—20.

<sup>5</sup> История ВКП(б). Краткий курс, стр. 119.

ремесленникам, мог быть также и их частной собственностью; например, в завещании «горожанки» (*nh p nw.t*) Нутнахти, составленном в 3 году царствования Рамсеса V, инструмент *h3* упомянут в числе прочих бронзовых предметов и инструментов, которые она еще при жизни передала одному из своих сыновей (повидимому, Неферхотепу, который, как и все остальные сыновья, именуется «ремесленником») для того, чтобы тот «приобрел себе пищу»<sup>1</sup>. Следовательно, инструмент *h3* был частной собственностью сначала Нутнахти, а потом ее сына-ремесленника<sup>2</sup>. Кто же такая Нутнахти? Она жила в поселке Дейр эль-Медина и была дважды замужем. Первым ее супругом был Кенхерхонпешэф, хорошо известный писец поселения. Вторым ее муж — Хаемнуи, как и ее сыновья, был рядовым ремесленником. Сама она именуется «немху»<sup>3</sup> земли фараона». Мало вероятно поэтому, чтобы Нутнахти как-то выделялась из обычной среды ремесленников. А между тем она располагает, как это видно из ее завещания, кое-каким имуществом, которое она накопила совместно со своим мужем, а также тем, которое она получила, выходя замуж, «из дома своего отца». То имущественное положение, которое рисует нам завещание Нутнахти и в отношении ее самой и в отношении ее сыновей, безусловно типично, ибо примерно то же самое мы можем сказать в отношении многих других жителей Дейр эль-Медина, относительно которых мы располагаем достаточными данными. Укажу хотя бы на то, что нам известны записи нескольких завещавших и разделов имущества ремесленников некрополя<sup>4</sup>, достаточно большое количество купчих<sup>5</sup> и различного рода сделок на покупку и наем ослов<sup>6</sup>, произведенных ремесленниками. Нередки случаи, когда в списках явки ремесленников на работу отмечалось их отсутствие по той причине, что они добывали корм для своих ослов и быков.

О наличии частной собственности у ремесленников говорит нам и случай оплаты одним из них врача, отраженный в дневнике 29 года Рамсеса III. Мы видим, далее, этих ремесленников выполняющими частные заказы на изготовление саркофагов, на роспись тканей и т. п. и получающими за это оплату от заказчиков<sup>7</sup>. Наиболее богатые из этих ремесленников имели даже собственных рабов, причем в отдельных случаях их число могло быть достаточно велико: к такому заключению можно прийти на основании жалобы, в которой один из сыновей умершего начальника отряда ремесленников обвиняется в том, что он в обход своего брата, подкупив везиря, добился назначения на должность своего отца; он дал везиру взятку в виде пяти рабов<sup>8</sup>.

Ремесленники имели собственные индивидуальные гробницы, которые подчас бывали довольно пышными. Такие гробницы имели не только лица, занимавшие административные должности в некрополе, — можно было бы допустить, что они, злоупотребляя своим положением, заставляли ремесленников работать на себя (такие случаи известны), — богатые гробницы имели и рядовые ремесленники: таковы, например, гробницы Сеннеджема (времени Сети I и начала правления Рамсеса II), Пабахена (времени Рамсеса II), Пашеда (XIX—XX дин.) и многие другие. Более того, можно утверждать, что собственные индивидуальные гробницы при XVIII и первой половине XIX дин.

<sup>1</sup> Документ № I, 5. 4 (ЖЕА, XXXI, стр. 29 сл.).

<sup>2</sup> О каких-то медных изделиях, вероятно, инструментах, говорится и в ОБМ 11239, датированном, исходя из почерка, первой половиной XIX дин. В нем сообщается: «что же касается этой меди, то она принадлежит Сем и не принадлежит некрополю». И в этом случае инструменты — частная собственность ремесленника.

<sup>3</sup> Акад. В. В. Струве считает «немху» свободным населением Египта, частично попадающим при XIX династии в экономическую зависимость от знати. См. его «Историю древнего Востока», 1941, стр. 203.

<sup>4</sup> См., например, ПТМ 201, ПТМ (P l e y t e — R o s s i, табл. 72) и остракон Нац. б-ки в Париже (S p i e g e l b e r g, Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches, Hannover, 1892, стр. 29).

<sup>5</sup> ОДМ 238, ОДМ 61, ОКМ 25553, ОДМ 73 rt. и многие другие.

<sup>6</sup> ОБМ 1121, ОДМ 1068, ОДМ 56, ОДМ 62 и многие другие.

<sup>7</sup> См., например, ОДМ 73 vs, ОДМ 49 и другие.

<sup>8</sup> Пап. Сальт 124 rt. 1, 2—4.

имели все ремесленники фиванского некрополя, хотя позднее, в силу каких-то для меня еще не ясных причин, положение ремесленников ухудшилось и многие из них оказались вынужденными довольствоваться семейными гробницами.

Наконец, тех же рядовых ремесленников мы видим в числе членов судебной палаты фиванского некрополя, разбирающих всевозможные дела не только имущественного порядка, но даже такие, как обвинение одного из ремесленников в произнесении хулы на фараона. Многие из ремесленников фиванского некрополя были грамотны.

Все сказанное дает достаточное основание считать ремесленников фиванского некрополя, составлявших подавляющее большинство обитателей Дейр эль-Мединэ, свободными людьми. Этому выводу, мне кажется, вовсе не противоречит тот бесспорный факт, что ремесленники фиванского некрополя действительно получали натуральное довольствие, ибо его размеры совершенно невероятны для рабов. В дневнике фиванского некрополя от 29 года Рамсеса II (ВДИ, 1950, № 4, стр. 85), указано, что начальникам отрядов ремесленников было выдано как довольствие 2-го месяца *перет* по  $7\frac{1}{2}$ , писцам по  $3\frac{3}{4}$ , а ремесленникам по  $5\frac{1}{2}$  *хар* зерна. Те же примерно размеры выдачи зернового довольствия мы находим и в иных записях. Так, в ОКМ 25608, относящемся, повидимому, к середине XX династии, мы находим следующие цифры: «[1 месяц *шему*] для «правой стороны». Выдача довольствия второго месяца *шему*. Начальнику отряда ремесленников: *хар* (ячменя) 2, (полбы);  $5\frac{1}{2}$ <sup>1</sup>. Писцу: *хар* (ячменя) 2, (полбы)  $5\frac{1}{2}$  (5). Людям: 17, каждому *хар* (ячменя)  $1\frac{1}{2}$ , (полбы) 4, что составляет *хар* (ячменя)  $25\frac{1}{2}$  (полбы) 68. Юношам 2, каждому: (ячменя)  $\frac{1}{2}$ , (полбы)  $1\frac{1}{2}$ , что составляет *хар* (ячменя) 1, (полбы) 3. Стражу: *хар* (ячменя)  $1\frac{1}{4}$ , (полбы)  $3\frac{1}{4}$ . Рабыне: *хар* (ячменя)  $1\frac{1}{2}$ , (полбы),  $1\frac{1}{2}$ . Привратнику: *хар* (ячменя)  $\frac{1}{2}$  (полбы) 1, <sup>10</sup> Врачу: *хар* (ячменя)  $\frac{1}{4}$  (полбы) 1. Итого: *хар* (ячменя)  $32\frac{1}{2}$ , (полбы)  $84\frac{3}{4}$ <sup>2</sup>.

2 месяца *шему хар*  $117\frac{1}{4}$ ; 3 месяца *шему*  $117\frac{1}{4}$ ; 4 месяца *шему*  $117\frac{1}{4}$ .

Те же размеры зернового довольствия сообщает ОДМ 180 vs., датируемый, по черку, первой половиной XX династии.

Следовательно, мы имеем все основания рассматривать размеры выдачи зерна, указанные и в «Дневнике 29 года» и в остальных приведенных только что документах, как нормальные для первой половины XX дин.<sup>3</sup> *Хар* зерна — это мера, равная 72 л; в первую половину XX династии стоимость его составляла 1—2 дебена меди<sup>4</sup>. Таким образом, начальник отряда ремесленников получал 540 л зерна в месяц, а полноценный работник — 396 л. С этими цифрами не выдерживают никакого сравнения те, что известны для Шумера и Рима. Акад. В. В. Струве указывает, что в конце III тысячелетия в Шумере прокорм рабыни расценивался в 30 сила ячменя (24 л), полноценного раба — в 60 сила (48 л), а наемный работник получал в качестве оплаты в среднем 6 сила в день, т. е. 180 сила (144 л) ячменя в месяц<sup>5</sup>. Катон в своем наставлении для сельских хозяев указывает, что для прокорма надсмотрщика за рабами нужно давать 34 л зерна зимой и 38 летом, а полноценному рабу — 4 фунта зерна зимой и 5 фунтов летом (т. е. соответственно 90 л и  $112\frac{1}{2}$  л). Таким образом, одни зерновые выдачи ремесленникам фиван-

<sup>1</sup> Названия выданных злаков устанавливаются с точностью, так как известно, что черными чернилами отмечают ячмень, а красными — полбу (A. Gardiner, JEA, XXVII, стр. 26—27).

<sup>2</sup> Итоги не соответствуют числу выданных мер зерна (должно быть соответственно 34 и  $88\frac{3}{4}$  мер зерна), но так как они равны тому количеству, которое было выдано в остальные три месяца этого времени года, ошибка, видимо, вкралась в указания зерна, выданного отдельным людям.

<sup>3</sup> Я не анализирую здесь иных записей зерновых выдач, которые либо не сообщают данных о том, кому и сколько зерна было выдано, либо содержат, как мне кажется, записи выдачи части зерна. Я надеюсь вернуться к этим данным в будущем.

<sup>4</sup> См. таблицу стоимости зерна, составленную Черным и приведенную в моей статье «Стоимость раба в древнем Египте», ВДИ, 1938, № 4, стр. 67.

<sup>5</sup> В. В. Струве, Насмный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э., ВДИ, 1948, № 2, стр. 24, 21 и 27.



ского некрополя (а ведь, кроме них, они получали еще рыбу, овощи, пиво, жир, воду, ткани и т. п.) со всей убедительностью показывают, что это не довольствие, рассчитанное на простое поддержание работоспособности раба, а оплата труда квалифицированного ремесленника, который содержит большую семью.

Правильность этого вывода подтверждается тем фактом, что в списках лиц, получающих довольствие, мы никогда не видим детей и женщин<sup>1</sup>, хотя из документов и надписей мы знаем, что их в поселке ремесленников было много. В то же время шумерийские списки выдачи раценов, как мне указал акад. В. В. Струве, всегда упоминают рабынь, в числе, примерно, равном рабам, а также и значительное число детей. Более того из самих древнеегипетских изображений мы знаем, что женщины-рабыни получали довольствие сами, точно так же как и рабы-мужчины.

Все сказанное не оставляет сомнений в том, что в ремесленниках фиванского некрополя следует видеть свободных работников, свободных, разумеется, в той мере, в какой вообще мог быть свободен отдельный индивид в условиях рабовладельческой деспотии Египта. Это, впрочем, отнюдь не исключает того, что ремесленники фиванского некрополя, как лица, обслуживавшие какие-то стороны заупокойного культа, могли быть связаны теми или иными религиозными запретами.

Исключительно интересно, что в организации труда этих ремесленников заметно наличие некоторых элементов самоуправления. Из этих записей мы узнаем прежде всего, что к выполнению данных обязанностей ремесленники привлекались не простым распоряжением начальства (так они выполняли только свои прямые обязанности по устройству могил), а с их общего согласия, для чего собирался сход всех ремесленников. Эти обязанности выполнялись ими в течение какого-то срока (может быть, месяца), после чего они возлагались на других лиц. Наличие этих элементов самоуправления является дополнительным подтверждением правильности высказанного мной положения, что ремесленники были свободными работниками. Теперь, когда положение ремесленников, разумеется, в самых общих чертах, выяснено, вернемся к тем событиям, которые составляют главное содержание «Дневника» от 29 года Рамсеса III.

Из всего сказанного выше вытекает, что получаемое ремесленниками довольствие являлось оплатой их труда и как таковое ими и рассматривалось. Поэтому задержки в выдаче положенного им довольствия, иной раз весьма длительные, вызывали со стороны ремесленников бурный протест, принимавший, по сути дела, форму забастовки, так как они прекращали работу до удовлетворения их требований. Их протест был тем более обоснован, что довольствие, получаемое ими за работу, составляло основной источник их существования.

В чем была причина задержки в выдаче довольствия ремесленникам, сообщает сам текст, содержащий запись объяснений везира, переданных начальником полицейской стражи: «случилось, что нет в закромах (зерна) для меня самого», сообщил везир (запись от 28 числа четвертого месяца *перет*). И у нас, как будет на аналогичном примере показано ниже, есть все основания полагать, что это не простая отговорка: как это ни парадоксально звучит, казна Рамсеса III, того самого фараона, который жертвовал несметные богатства жречеству и в первую очередь храмам Амона, вероятно, действительно оскудела. Непрерывные войны, требовавшие большого напряжения экономических сил страны, равно как постоянные подачки храмам, которыми фараон стремился обеспечить себе поддержку жречества, привели к тому, что в царской сокровищнице и в закромах не было запасов. Понятно, что в этих условиях удовлетворение законных нужд некропольских ремесленников не могло рассматриваться царской казной как первоочередное и неотложное дело.

Дневник от 29 года Рамсеса III сообщает о забастовке некропольских ремесленников впервые в записи от 10 числа второго месяца *перет*. Однако было ли это действительным началом выступлений ремесленников? Частичный ответ на это дает ostrakon

<sup>1</sup> За исключением одной рабыни, имевшейся при каждом отряде ремесленников.

Берлинского музея 10633, который, насколько мне известно, никем еще не изучался<sup>1</sup>. Имеющийся на нем текст гласит: «Год 29, второго месяца *ахет* дня 21. В этот день доложено писцом Амоннахтом отряду ремесленников: «прошло 20 дней месяца, и не дано нам довольствие». И он отправился к храму Джесерхеперрамериамон (храм Харемхеба) в доме Амона. И было принесено полбы 46 *хар*, и они были даны им во втором месяце *ахет* для 23. Был назначен (букв. «дан») везирь Та в везири земли Верхнего и Нижнего Египта»<sup>2</sup>.

Так как этот остракон должен быть датирован временем Рамсеса III<sup>3</sup>, то ясно, что выступления ремесленников имели место по крайней мере месяца за четыре до того, как о них сообщает «Дневник» от 29 года. Однако я полагаю, что на самом деле выступления ремесленников начались гораздо раньше. Правда, в моем распоряжении нет прямых данных, позволяющих подкрепить такое мнение, однако оно мне кажется весьма вероятным по двум причинам. Прежде всего и сообщение Берлинского остракона и «Дневника» от 29 года говорят о забастовках ремесленников, вызванных неполучением ими довольствия, в таких тонах, как можно описывать самое обыденное явление, а не какое-то исключительное событие; следовательно, в записях событий, имевших место в некрополе, уже, вероятно, не раз говорилось об аналогичных событиях. С другой стороны, раскопки поселка ремесленников фиванского некрополя, показывающие упадок, в который он приходит к началу XX дин., равно как факт появления у ремесленников к концу XIX дин. и особенно при XX дин. семейных гробниц, вместо индивидуальных, как это было раньше, с несомненностью говорят об общем ухудшении экономического положения ремесленников, вытекавшем, конечно, из уменьшения внимания к строительным работам в некрополе, что происходило, может быть, потому, что гробницы вельмож XX дин. строят в новой столице, в Дельте.

Правильность моей точки зрения, мне кажется, подтверждает тот факт, что и в последующие времена ремесленникам приходилось не раз прибегать к подобным забастовкам для того, чтобы добиться выплаты положенного им довольствия. Так, в «Дневнике» фиванского некрополя от 13 года Рамсеса IX в записи от 4 числа 1 месяца *ахет* мы узнаем, что ремесленники не вышли на работу и что им не было дано довольствия за 3 и 4 месяцы *шему* (12 года), за 5 дополнительных дней и 1 месяц *ахет* 13 года. Неудивительно поэтому, что и последующие строки пестрят записями вроде: «Год 13, первого месяца *ахет*, день 10. Невыход на работу отрядов ремесленников». Аналогичные события значатся в записях с 11 по 18 числа этого же месяца. Совершенно сходные записи имеются в «Дневнике» фиванского некрополя от 17 года того же Рамсеса IX. Так, в гт. I, 6 этого папируса мы читаем «...Невыход на работу отрядов ремесленников. Они голодны, ибо нет их довольствия 2-го месяца *перет*, что составляет зерпа *хар* 374», а дальше, под датами с 25 числа этого месяца и до 6 числа следующего, находим опять лаконичные пометки: «Невыход на работу отрядов ремесленников». Записями о том, что ремесленники не работали (а это было вызвано, конечно, теми же причинами), изобилует и «Дневник» фиванского некрополя от 3 года Рамсеса XI. Дошедшее до нас письмо неизвестного чиновника, относящееся примерно к тому же времени, содержит упоминание тех причин, по которым бастовали ремесленники некрополя. Этот чиновник пишет: «Пошли своего писца вместе с Иуфен[амоном]<sup>4</sup>, писцом некрополя, и приврат-

<sup>1</sup> «Hieratische Papyrus aus den Museen zu Berlin», III, 1911, табл. 36.

<sup>2</sup> Последнее сообщение очень интересно, так как указывает на восстановление практики назначения единого для всего Египта везира в конце царствования Рамсеса III.

<sup>3</sup> В издании Берлинского музея остракон отнесен к царствованию Рамсеса II, но так как теперь установлено, что Амоннахт был назначен везирем Та на должность писца некрополя в 16 году Рамсеса III и умер не позднее чем в 7 году Рамсеса VII (см. СпЕ, № 11, 1936, стр. 247 сл.), то указанная мной датировка Берлинского остракона не может вызвать ни малейшего сомнения.

<sup>4</sup> Писец Иуфенамон упомянут в письме несколько раз, и он же упоминается дневником 3 года Рамсеса XI. Это дает мне основание отнести данный текст именно к этому времени.

ником Тутмесом либо привратником Хонсу. Дай пойти им доставить зерно, чтобы ремесленники не голодали и не прекращали работу при поручениях фараона»<sup>1</sup>.

Следовательно, в царских закромах действительно бывало пусто, и чиновники, желавшие избежать прекращения работ и выступлений ремесленников, должны были принимать меры к своевременной доставке продовольствия. Впрочем у нас есть достаточно оснований полагать, что пустота тех закромов, которые должны были снабжать некропольских ремесленников, была по крайней мере отчасти связана с хищениями чиновников, ведавших ими<sup>2</sup>; этим, вероятно, вызвана забота неизвестного чиновника о своевременном подвозе довольствия для ремесленников.

Задержка выдачи довольствия ремесленникам фиванского некрополя во времена XX дин. стала обыденным явлением, и это помогло ремесленникам выработать определенные методы борьбы за свои права. Этим методом явились забастовки, проводившиеся ими с поразительным единодушием. Было бы, однако, совершенно неправильно переоценивать эти забастовки, а тем более сопоставлять их как-либо с теми, к которым прибегают рабочие в капиталистических странах. Ремесленники — это, конечно, не индустриальные рабочие, и они были весьма далеки от того, чтобы придавать своим выступлениям политический характер: при тогдашнем уровне общественного развития их классовое самосознание еще не пробудилось, — они просто пытались всеми доступными им способами восстановить справедливость. Они не понимали того, что их невзгоды являются результатом существовавших общественных отношений, и хотели только любыми способами добиться удовлетворения своих законных прав. То, что дело обстояло именно так, лучше всего показывает один эпизод, сообщаемый дневником от 3 года Рамсеса XI. «Второго месяца *шemu* день 29. Забастовка отрядов ремесленников. Стояние перед великими серами и верховным жрецом Амона. Он (вероятно, везирь. — И. Л.) сказал нам: «Я не дам вам<sup>3</sup> довольствия, дадут вам наверху» (т. е. в некрополе. — И. Л.). И мы ночевали на месте, а когда настал последний день второго месяца *шemu*, они (вновь) предстали перед серами. Они (т. е. серы) сказали: «Пусть приведут писца Амонхау к везирию». Его привели перед великими серами Фив. Они (серы) сказали писцу Амонхау и заместителю (начальника) закромов фараона: «Вот зерно везирия, дай довольствие людям некрополя»... Было дано нам довольствие в этот день. А мы дали два ларца двум опахалоносцам и один писцовый прибор»<sup>4</sup>. Из этой коротенькой записки мы узнаем об очередной задержке довольствия, но на этот раз ремесленники, видимо, при содействии двух опахалоносцев, обратились к высшим сановникам страны. Проявив настойчивость и проведя ночь у палаты, на следующий день ремесленники вновь изложили свою жалобу. Их претензия увенчалась успехом, а за оказанное содействие опахалоносцев «отблагодарили» ценными подарками.

Но такие обращения помогали ремесленникам редко. Гораздо действенной была борьба за свои права, причем ее формы — прекращение работы и совместные выступления — была подсказана им их организацией в рабочие отряды и совместным трудом в некрополе. Особо примечательно стремление ремесленников к тому, чтобы сделать свои требования достоянием гласности: маршруты их выступлений из некрополя в различные храмы, которые отмечены в «Дневнике» 29 года, безусловно сопряжены не с расстоянием, на котором находился тот или иной храм от их поселка, а с тем, когда и в каком из храмов следовало рассчитывать увидеть богомольцев из Фив. Именно поэтому, добравшись до храма, они располагались либо «у внешней дороги, либо подле «ожженных дорог», либо «на окраине храма», где они «кричали правителю города, когда он проходил». Этот метод борьбы, избранный ремесленниками, не мог, разумеется, коренным образом улучшить их положения: оказываясь — под давлением самих ремеслен-

<sup>1</sup> Пап. Нац. б-ки в Париже 198, III, об. 4—7.

<sup>2</sup> Ср., например, дело капитана корабля, на котором перевозили зерно храма Хнума; он в сговоре с писцами и чиновниками за 9 лет царствования фараонов Рамсеса IV и V присвоил 5004 *хар* зерна (Туринск. пап. 1887 vs. I, 13, 2,9).

<sup>3</sup> В тексте ошибочно написано «нам».

<sup>4</sup> «Дневник» от 3-го года, гл. 3, 24—4,2.

ников, прекращавших работу, равно как под давлением создаваемого ими общественного мнения — вынужденными выплатить ремесленникам положенное довольствие, власти буквально спустя несколько дней задерживали очередной платеж, вынуждая тем самым ремесленников к повторным выступлениям.

Забастовки ремесленников фиванского некрополя — не только яркий пример тех противоречий, которые существовали в древнеегипетском обществе между различными слоями свободного населения страны, — они являются столь же ярким примером тех экономических неурядиц, которые раздирали египетское общество во времена XX дпн. и привели страну к распаду.

*Проф. И. М. Лурье*

## НИЖНЕДУНАЙСКИЕ ПЛЕМЕНА В ПЕРВЫЕ ДВА ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Отдельные племена и народности, населявшие Римскую империю, «...имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»<sup>1</sup>. Поэтому изучение их истории во всем ее своеобразии имеет первостепенное значение. В этом отношении большой интерес представляет история нижнедунайских племен. Фракийские племена сумели на протяжении ряда веков противостоять нивелирующему влиянию римской культуры, сумели сохранить свою самобытность и, подчинившись формально верховной власти Рима, «жили своей жизнью»<sup>2</sup>. История нижнедунайских племен дает возможность на конкретном материале одной из наиболее отдаленных римских провинций проследить те пути, по которым шло объединение отдельных племен для совместного выступления против Рима, сыгравшее большую роль в падении этого рабовладельческого государства.

К моменту решительного столкновения с римлянами (20-е гг. I в. до н. э.) основное население нижнедунайских земель состояло из множества фракийских племен, территориально и экономически мало связанных друг с другом и иногда враждующих между собой. Крупное объединение фракийцев, созданное во время Цезаря на территории Дакии и Мёзии Биребистой, распалось на несколько частей сразу же после смерти царя (Plut., Ant., 63; Suet., Oct., 63), и процесс дробления его царства продолжался еще тогда, когда Марк Красс, полководец Августа, застал на правом берегу Дуная трех вождей враждующих между собой племен — Рола, Далига и Цюрака. Очевидно, экономика и социальные отношения у племен, объединенных Биребистой, в середине I в. до н. э. еще не созрели для прочного государственного объединения. Страбон, писавший VII главу своей «Географии» непосредственно после наступления римлян на Мёзию, говорит о том, что Фракия разделяется на племена (τὰ ἔθνη — Strabo, VII, фр. 47), а Плиний сообщает о существовании там же 50 стратегий (NH, IV, 40).

Наиболее крупным фракийским племенем были мёзы, жившие на западе будущей римской провинции Нижней Мёзии. В I в. до и в начале I в. н. э. римляне называли мёзами отдельное фракийское племя, которое, наряду с множеством других, обитало между пижним течением Дуная и Балканскими горами. Другим крупным фракийским племенем были геты (это была, вернее, группа племен), которые занимали восточную часть Мёзии от реки Осым (Asamus) до побережья Черного моря. У античных историков со II в. до н. э. северо-западная часть гетов, жившая за Дунаем, начинает называться

<sup>1</sup> И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат 1950, стр. 13.

<sup>2</sup> Там же, стр. 10.